

свои влажные одежды повесил в дар могучему богу моря», т. е. поэт отказывается от любовных наслаждений.

У Фета:

О мне же доска возвещает с священной стены,
Что влажные ризы пловца по обету повешены мною
Пред богом морей.

Приведем небольшой список (на самом деле он может быть сильно увеличен) фетовских неуклюжих бытовых и отнюдь не поэтических предложений и отдельных слов. У Горация «сладкий для кудрявых овец Галез (река — II, 6). Фет: «К пастьбам овец мы с тобой едем».

Он же:

Этот земли уголок пред глазами
Вечно моими смеется красивый.
С толпой своих мужчин болезненных и гадких.

II, 3 «Совет Деллию»:

Хоть целый век живи печален и угрюм,
Но праздник радостью встречай нелицемерной
И, лежа на траве, гоняй приливы дум...

II, 10

Лициний, проживешь верней, когда спесиво
Не станешь в даль пучин прокладывать следов.

II, 19

О Вакх, избыток чувств почувствовав опять,
Какую рощу я, и под какой скалою
Пещеры, песнями стремлюся оглашать.

I, 10 («Гимн Меркурию»):

Оставя Илион, Приам, везущий злато,
И стана вражьего и вражеских огней
Избег замысловато.

Часто в этих «перлах» можно уловить далекую от классицизма типично фетовскую поэтику: любовь к туманно-описательным выражениям, к абстрактным определениям и символам, например: «в даль пучин прокладывать следов», «безмерно любимый», «избыток чувств почувствовать опять», «земля, смеющаяся пред глазами» и т. п.

А вот как понимал А. С. Пушкин оду Горация «Помпею Вару» (II, 7). О его подражании оде «кто из богов мне возвратил» написано много, но хотелось бы выделить его тонкое понимание гораццианского классицизма: точности, лаконичности, глубокой содержательности, отсутствия всякой «водянистости» (свойственной переводам Фета). Пушкин, как известно, не занимался переводами, но его «подражания» часто точнее и художественнее всякого перевода.

Фет начинает так:

О ты, что смерти страх не раз со мной делил,
Когда нас Брут водил во времена былые...

Куда водил? В какие былые времена?

И вот чекан Пушкина:

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И брани ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил.